

И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
И, грудь высоко подымая,
Боязнью сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полныя печали...

О, Боже! для такихъ очей
Кто не жертвовалъ бы славой?
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичей ласки—пути кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ;
Не вѣдалъ ты, что Ангель нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье.—Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты.
Возможно ль? Ангель красоты—
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?

Она глядитъ и ждеть... но что же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...
Увы! гдѣ Ангель утѣшенья?
Гдѣ вѣстникъ рая молодой?—
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!..
Ужъ солнце низко... Ада ждетъ..
Все тихо вкругъ... онъ все нейдетъ...

Она спускается въ долину
И видитъ страшную картину...
Идетъ межъ труповъ, чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,
Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея волнуется душа;
Она предчувствовать страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротится
Она желала бы; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
—И вотъ недвижна!—Такова
Была бъ лилея надъ могилой...
Гдѣ Зораимъ?—Что, если онъ
Убитъ?—Но чей раздался стонъ?..
Кто этотъ, раненый стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ?..
Онъ мертвыхъ окруженъ грядю,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто жъ онъ?—Свершилось!—Зораимъ!
«Ты здѣсь? теперь?—и ты ли, Ада?

О! твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ?.. Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда... что пользы въ этомъ?..
Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь,
И вижу... и приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнья...
Никто—я самъ тому виной..
Я гибну!—Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.
Не бойся крови. Дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
И даже... на груди друга
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?

Мой другъ! къ чему твой лобзанья
Теперь, столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличить лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ..
О, если бѣ, если бѣ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую къ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ..
О, кто бѣ подумалъ, какъ я молодъ!
Какъ много я провѣлъ бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣною пальмъ береговыхъ,
Когда бѣ сегодня рокъ жестокий
Не обманулъ надеждъ моихъ!..

Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣмъ чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ—
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя,
Но... Тутъ, какъ арфы дальней звонъ..
Его слова невнятные стали,
Глаза всю яркость потеряли,
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ,
Что поцѣлуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.
Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна, какъ всегда,
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Что на землѣ онъ озаряетъ;
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.